

В один миг всё тепло ванной комнаты, казалось, хлынуло Хан Сычжоу прямо в лицо.

В ушах зашумело так сильно, что все внешние звуки мигом пропали.

Зажатые в руке боксеры казались раскаленным углем: и бросить неловко, и держать неважно.

Хан Сычжоу процедил сквозь зубы:

— Да откуда, черт побери, я мог знать, что у тебя красные трусы?!

Жители острова питали слабость к броским, кричащим цветам: красили крыши в самые невообразимые оттенки, украшали дома пестрыми безделушками. Текстиля всевозможных расцветок тут тоже было в избытке, так что Сычжоу на автомате принял красную ткань за обычное полотенце.

Сяо Хан лениво приподнял бровь:

— Вообще-то ты сам мне их дал.

Губы Сычжоу дрогнули.

Сегодня в полдень, когда Сяо Хан разбирал чемодан, Сычжоу случайно проходил мимо. Сколько лет прошло, а вкусы мужа ничуть не изменились — в его гардеробе по-прежнему безраздельно властвовали черный и белый. Заметив, что в дорогу тот взял всего одни белые боксеры, Сычжоу проявил «невиданную щедрость» и принес ему целую упаковку нового, выстиранного горничной цветного белья.

«И в той пестрой пачке... кажется, действительно затесались красные...»

Вспыхнув до самых ушей, Хан Сычжоу круто развернулся, швырнул злополучные боксеры обратно на полку и с каменным лицом зашагал прочь.

Однако у самой двери его нагнал невозмутимый, слегка насмешливый голос:

— А полотенце брать не будешь?

Сычжоу на секунду зажмурился. С трудом сдерживая раздражение, он резко развернулся, широкими шагами подошел к стеллажу, сцапал первое попавшееся зеленое полотенце и пулей вылетел из ванной.

Дверь за его спиной захлопнулась с оглушительным грохотом.

Снаружи слышался тонкий, сонный голосок Сяо Чжихани:

— Папочка, а почему ты такой красный?

И в ответ — приглушенный, процеженный сквозь зубы голос Сычжоу:

— Внутри... просто... слишком... жарко!

В глазах оставшегося за дверью Сяо Хана заплясали смешинки. Он покачал головой и выключил воду.

Багровое солнце наконец соскользнуло за горизонт, плеснув на водную гладь прощальными алыми мазками. На остров медленно опускались сумерки.

Четыре небольших деревянных домика, где расселили участников, стояли совсем рядом друг с другом. Говорили, когда-то один крупный инвестор загорелся идеей превратить эти дикие места в элитный курорт. Но глушь оказалась непролазной: обычный катер шел сюда не меньше трех часов, а регулярные вертолетные рейсы требовали колоссальных вложений. Потерпев убытки, застройщик опустил руки и забросил проект, а коттеджи перешли на баланс местного сельсовета.

Именно деревенские старосты и проявили инициативу, связавшись с продюсерами. Они надеялись, что популярное шоу поможет привлечь туристов и оживить местную экономику. Природа здесь и впрямь завораживала — уединенные бухты и вековые леса дышали первозданной чистотой. После первой же инспекции съемочная группа без колебаний утвердила этот тихий уголок для съемок стартового выпуска.

По неписаной традиции проекта, в первый вечер участники должны были готовить ужин своими силами. Сычжоу эта перспектива ничуть не пугала — у него под рукой имелся Сяо Хан. Попробовав его лапшу в прошлый раз, Сычжоу проникся искренним доверием к кулинарным талантам супруга.

Маленькая Чжихань просто светилась от радости. Путешествовать всей семьей, да еще и ужинать домашней стряпней старшего папы — о таком счастье она раньше могла лишь грезить.

Дорога, перелет и активные игры на свежем воздухе без дневного сна совершенно лишили детей сил, так что те уснули едва коснувшись подушек. Наконец-то для уставших за долгий день родителей наступило долгожданное время отдыха.

Подобные вечерние посиделки были своего рода визитной карточкой реалити-шоу «Отправимся в путешествие вместе». В первый вечер каждого сезона организаторы устраивали

для взрослых легкий сабантуй. Это не только помогало участникам быстрее познакомиться и расслабиться, но и давало монтажерам отличный материал для будущих романтических вставок в эфире. В спальнях продолжали работать камеры, а на верандах дежурили администраторы, поэтому за безопасность спящих малышей никто не переживал.

Когда Сяо Хан и Хан Сычжоу подошли к месту сбора, обе женские пары уже сидели вместе, увлеченно делясь родительским опытом. Сычжоу, панически боявшийся, что Цзян Жун вовлечет его в бесконечные дебаты о детском питании и воспитании, сразу нацелился на дальний край стола.

Но не успел он сесть, как к веранде подошли Хуан Ян со своим спутником и устроились прямо напротив Цзян Жунь.

При виде кумира Сычжоу мгновенно задвинул стул обратно.

— Я хочу сесть туда, — Сычжоу указал на свободный стул рядом с Хуан Яном.

Но стоило ему сделать шаг, как муж мягко перехватил его за запястье.

— С того ракурса камера будет снимать твою правую сторону, — негромко шепнул Сяо Хан.

Сычжоу упрямо вздернул подбородок:

— Ну и пусть. Мне плевать.

Какое значение имела безупречность кадра, когда на кону стояла возможность посидеть бок о бок с легендарным кумиром?

— Неужели тебе не хочется предстать перед ним во всей красе? — вкрадчиво поинтересовался Сяо Хан. — К тому же, если сядешь там, он тоже будет видеть тебя только справа.

Сычжоу запнулся, так и не найдя что возразить.

Пришлось уступить. Сычжоу покорно вернулся к первому стулу и сел.

«Ладно, вдруг Хуан Яну наскучит слушать женскую болтовню о пеленках и он сам решит пересесть ко мне поближе?»

Уголок губ Сяо Хана едва заметно приподнялся, и он опустил на соседний стул. В отместку Сычжоу демонстративно повернулся к нему своей «неудачной» правой стороной.

Сычжоу с малых лет виртуозно играл на фортепиано и завоевал немало престижных музыкальных премий. Аристократичная внешность и природный шарм превратили его в любимца прессы, из-за чего он еще в юности заработал привычку тщательно следить за осанкой и мимикой, стремясь всегда выглядеть безупречно.

Перед всеми. Кроме Сяо Хана.

В этот момент к столу подошел ведущий, бережно неся большой кувшин с вином:

— Угощайтесь, дорогие гости! Это местная гордость — наливка из диких островных плодов. Не переживайте, она совсем легкая, сладкая и ароматная, так что даже прекрасным дамам не повредит.

Для мужчин, которым фруктовый нектар мог показаться слишком безобидным, ассистенты притащили ящик терпкого красного вина.

Угощение на веранде тоже радовало глаз простой, но изысканной щедростью: горы свежельвовленных креветок, мидий, крабов и рыбы. Рыбаки приготовили улов самым незатейливым способом — быстро обжарили морепродукты на углях. Но даже без изысканных соусов они таяли во рту, взрываясь сочной, солоноватой сладостью океана.

Пока гости лакомились деликатесами, ведущий незаметно перехватил инициативу и направил беседу в нужное русло. Говоря проще, пришло время разыграть обязательную карту — продемонстрировать семейную идиллию.

Первой слово взяла Цзян Жун:

— Минцуй обещала прилететь самым ранним утренним рейсом, — с нежной улыбкой поделилась женщина. — Но перед моим уходом она все же набрала меня по видеосвязи, чтобы хоть одним глазком взглянуть на спящую Юэлянь. Наша кинодива только с виду кажется неприступной ледышкой, на самом же деле она невероятно заботливая.

Ведущий тут же воодушевленно закивал:

— О да! И открою вам маленький секрет: госпожа Шэнь сама связалась с нашей редакцией и изъявила желание поучаствовать в шоу!

Супругой Цзян Жун была блистательная Шэнь Минцуй — звезда мировой величины, обласканная критиками и собравшая все престижные кинонаграды, включая прошлогодний «Оскар». Разумеется, когда знаменитость такого масштаба сама изъявляет желание прийти на проект, продюсерам остается лишь радостно кивать.

— Кто бы мог подумать, что за маской неприступной королевы скрывается столь преданная и любящая мать! — хором заахали гости.

— А я до последнего сомневалась, стоит ли соглашаться, — смущенно призналась Сюй Лин.

Она работала учительницей музыки в начальных классах и обладала на редкость певучим, ласковым голосом.

— Я ведь совершенно не умею вести себя перед камерами. Но когда сестра Фань заверила, что возьмет все хлопоты на себя, я сразу успокоилась.

Сюй Лин доверчиво прильнула к плечу своей спутницы. От хмеля ее щеки уже окрасились очаровательным румянцем.

Лян Фань нежно погладила возлюбленную по распущенным волосам и негромко ответила мягким, глубоким голосом:

— Куда бы мы ни отправились, я всегда буду рядом, чтобы позаботиться о тебе.

Тут слово взял колоритный мужчина, сидевший напротив:

— Хе-хе, вообще-то это я настоял на поездке. А Ян-ян просто уступил моим уговорам. Вы же знаете, как тяжело вытащить его на подобные сборища.

Сычжоу уже успел выяснить, что этого здоровяка зовут Сян Цзинь и он довольно известный музыкальный продюсер. Честно говоря, в представлении Сычжоу люди его профессии должны были выглядеть утонченно и элегантно, ну или хотя бы интеллигентно. Он никак не ожидал, что brutальный, заросший щетиной крепыш с горой мышц окажется творческой натурой.

— Ян-ян, я правда очень тронут, — пробасил Сян Цзинь.

С этими словами огромный продюсер бесцеремонно сгреб Хуан Яна в охапку и доверчиво уткнулся лбом в его плечо.

На побережье поднялся свежий ветер, так что Хуан Ян перехватил свои длинные волосы в небрежный хвост, обнажив точеный профиль. Сквозь стекла тонких очков его взгляд казался совершенно безучастным. Когда объектив камеры нацелился прямо на него, композитор лишь едва заметно кивнул и выдал лаконичное:

— Угу.

Однако сквозь плотную призму фанатского обожания Сычжоу видел эту картину в совершенно ином свете. Для него даже эта холодная отстраненность казалась вершиной молчаливой нежности.

«Эх, Сян Цзинь слишком уж неотёсан для моего прекрасного кумира. Но раз Хуан Ян не против, мне как преданному фанату остается только благословить этот брак»

С грустным вздохом Сычжоу опрокинул в себя очередную чашу наливки.

Делиться подробностями совместной жизни им с Сяо Ханом было решительно незачем, поэтому с самого начала вечера они усердно делали вид, что заняты едой и напитками. Сычжоу уже допивал четвертую чашу сладкой наливки, когда к их столу бесшумно подошел ассистент и деликатно напомнил, что пришла их очередь блистать в кадре.

Сычжоу растерялся.

«Какая еще любовь? У нас ведь ее отродясь не водилось!»

Освежающий бриз ласкал лицо, но легкий хмель уже вовсю бродил по венам, разгоняя по телу приятное тепло. Опасаясь, что муж брякнет какую-нибудь несусветную глупость, которая вмиг разрушит их фальшивую идиллию и выдаст зрителям реальное положение дел, Сычжоу решил нанести упреждающий удар.

С тихим стуком он придвинул стоявшую рядом бутылку красного сухого вина прямо к рукам Сяо Хана и, сладко улыбнувшись, пропел:

— Дорогой, я так люблю смотреть, как ты пьешь!

Сяо Хан на мгновение лишился дара речи.

Он медленно поднял голову, окинул взглядом плотное кольцо нацеленных на них объективов и, едва заметно изогнув бровь, обхватил пальцами горлышко:

— Раз тебе так нравится... я выпью.

Сидящие за столом гости озадаченно переглянулись. Во всем этом сквозила едва уловимая фальшь, но в то же время жест Сычжоу вполне можно было списать на милую супружескую заботу.

Пока Сяо Хан послушно осушал бутылку, Сычжоу тоже не отставал. Словно опасаясь, что муж решит сжульничать, он бдительно следил за каждым его глотком, то и дело прихлебывая из собственной чаши. В его затуманенном алкоголем взоре отражалась то бездонная чернота ночного моря, то строгий силуэт супруга. Щеки Сычжоу давно полыхали густым румянцем. Слегка покачивая головой, он выглядел на удивление покладистым и очаровательным.

В какой-то момент Сяо Хан почувствовал мимолетное прикосновение к своему плечу — Сычжоу мягко ткнулся в него макушкой, но тут же испуганно отпрянул. Попытавшись мотнуть головой, чтобы прогнать накатившую слабость, хмельной парень лишь усугубил свое положение: мир вокруг окончательно поплыл.

Спустя секунду его взъерошенная голова окончательно и бессильно опустилась на широкое

плечо мужа.

Сяо Хан скосил глаза на уснувшего супруга. В глубине его темных зрачков разлилась безграничная, теплая нежность.

Оператор среагировал молниеносно — затвор камеры тихо щелкнул, запечатлев эту потрясающе гармоничную картину.

Сычжоу показалось, что он прикрыл глаза буквально на секунду.

Однако, разомкнув веки, он с удивлением обнаружил, что веранда пуста. Остальные пары давно разошлись по своим домикам, а со столов исчезли даже остатки ужина и грязная посуда.

— А где все? — Сычжоу резко выпрямился и тряхнул головой, оглядываясь. Вокруг высилась безмолвная южная ночь.

— Уже разошлись спать, — негромко ответил Сяо Хан, по-прежнему сидевший рядом.

Сычжоу сердито зыркнул на супруга:

— И почему ты меня не разбудил?

Вдруг он смешно приоткрыл рот во сне или, чего доброго, захрапел? Если Хуан Ян застал его в таком непотребном виде, это же вечный позор!

К счастью, короткий сон подействовал отрезвляюще — туман в голове почти рассеялся, оставив лишь легкую вялость. Правда, от долгого сидения в одной позе нещадно затекла спина и онемели ноги. Упершись ладонью в край стола, Сычжоу попытался подняться, чтобы хоть немного размять затекшие мышцы.

Но не успел он выпрямиться, как его запястье перехватила крепкая мужская ладонь.

— Ты что творишь? — недоуменно нахмурился Сычжоу.

Кожа Сяо Хана оказалась пугающе холодной, словно лед.

Сычжоу попытался высвободить ладонь, однако чужие пальцы сжались еще сильнее. Что это за странные нежности посреди ночи, да еще и с таким напором?

Он уже открыл было рот, собираясь высказать все, что думает по этому поводу, когда над ухом раздался хрипловатый, вибрирующий голос:

— Хан Сычжоу.

От этого низкого шепота у Сычжоу по коже побежали мурашки, а уши вновь обдало жаром.

Сяо Хан почти никогда не называл его полным именем. Как правило, он ограничивался коротким «эй», безликим «ты» или вовсе обходился без обращений. За всю их многолетнюю историю Сычжоу слышал от него свое имя лишь считанные разы.

Этот вкрадчивый тон выбивал из колеи, рождая в груди смутную тревогу. Сычжоу потер запывавшее ухо и, резко развернувшись к собеседнику, недовольно проворчал:

— Да что с тобой? Время детское давно прошло. Домой идти спать думаешь вообще?

Сяо Хан сидел, низко склонив голову. Его тонкие губы превратились в прямую линию, а в тусклом свете уличных фонарей точеный профиль казался пугающе резким и бледным.

Сычжоу упрямо дернул рукой, пытаясь разорвать захват:

— Если тебе так хочется ловить ночную прохладу — сиди тут хоть до утра. А я пошел в дом.

С этими словами он рванулся назад. Однако вместо того чтобы отпустить, Сяо Хан неожиданно дернул его на себя с такой силой, что Сычжоу едва не повалился прямо на него.

Прежде чем парень успел опомниться, муж запустил его ладонь под край своей свободной толстовки и с силой прижал к собственному обнаженному животу.

От такого бесстыдства Сычжоу едва не подскочил на месте.

Под его пальцами оказалась невероятно гладкая, твердая и горячая кожа. В сознании Сычжоу яркой вспышкой пронеслись обрывки их интимных моментов, заставив кровь прилить к лицу с новой силой. Но сквозь шок он внезапно уловил странную деталь — кожа мужа была влажной.

«Неужели это моя ладонь так вспотела?»

Сычжоу оцепенел, совершенно перестав соображать и чувствовать собственное тело. Кое-как вернув контроль над разумом, он предпринял отчаянную попытку вырвать ладонь из этого горячего плена.

— Не убирай, — сипло выдохнул Сяо Хан.

Он наконец поднял голову и посмотрел на него. В зыбком полумраке, разгоняемом лишь далеким лунным светом и блеклым фонарным сиянием, его лицо казалось мертвенно-бледным.

Глядя Сычжоу прямо в глаза лихорадочным, полным боли взглядом, Сяо Хан глухо попросил:

— Здесь... безумно болит. Пожалуйста, потри мне живот...

<http://bllate.org/book/18323/1756545>